

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-95-139

Научная статья / Research paper

А.М. Понамарева*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПЕРИПЕТИИ ЭВОЛЮЦИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В условиях резкого обострения великодержавного соперничества на мировой арене происходит ускоренная политизация и секьюритизация едва ли не всех сфер общественной жизни. Правительства в стремлении укрепить идеологическую сплоченность национальных сообществ всё большее внимание уделяют исторической политике: переосмыслению прошлого и конструированию новых исторических нарративов. С учетом значимости для Российской Федерации стратегического партнерства с Республикой Беларусь (РБ) изучение эволюции исторической политики Минска приобретает особый интерес и актуальность. В данной статье предпринимается попытка выявить логику содержательной трансформации официального исторического нарратива РБ с момента образования до 2024 г. включительно. Исследование базируется на широком корпусе источников, послуживших основой для проведения дискурс-анализа: законодательных актах, материалах СМИ, текстах политических выступлений, сообщениях официальных институтов, вовлеченных в реализацию исторической политики РБ. В ее развитии выделено несколько этапов, чередование которых было обусловлено сложным переплетением внутри- и внешнеполитических, а также экономических факторов, попытками руководства республики лавировать между своими соседями с востока и запада. Автор заключает, что, несмотря на наметившийся отход РБ

* Понамарева Анастасия Михайловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры внешней политики России и СНГ факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: amp1982@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6585-4558).

от акцентирования европейской составляющей национальной памяти, наблюдаемый после событий августа 2020 г., и подчеркнутое сближение с российским историческим нарративом (в первую очередь в отношении Второй мировой войны), собранный за годы независимости республики корпус научных текстов, документов и «мест памяти» содержит «точки входа» для развертывания исторической политики в любую политически выгодную сторону. По мнению автора, в этих условиях не критичное восприятие общей исторической памяти как незыблемого фундамента единения белорусского и русского народов может помешать адекватному прогнозированию для России возможных изменений в геостратегических устремлениях ее партнера.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, дипломатия памяти, Республика Беларусь, Союзное государство, национальная идентичность, партизанская республика, «место памяти», А.Г. Лукашенко, Великая Отечественная война

Для цитирования: Понамарева А.М. Историческая политика Республики Беларусь: перипетии эволюции // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 4. С. 95–139. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-95-139.

Anastasiya M. Ponamareva

HISTORY POLITICS OF BELARUS: PERIPETIAS OF EVOLUTION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

Amidst the sharp escalation of great-power rivalry on the world stage, almost all spheres of public life are facing increasing politicization and even securitization. Historical studies are no exception, as they are becoming an essential element of governments' efforts to strengthen the ideological cohesion of their societies by revisiting history and constructing new historical narratives. Given the significance of the strategic partnership with the Republic of Belarus for the Russian Federation, the study of history politics of the former is of particular interest and relevance. This paper attempts to identify the logic of the Belarus official historical narratives' transformation since independence up to and including 2024. The research provides a discourse analysis of a wide range of primary sources, i.e. legal acts, media materials, political speeches, reports from official institutions in charge of the implementation of Belarus's

politics of memory. Its evolution falls into several stages, each being a result of a complex intermix of domestic, foreign policy and economic factors, as well as attempts by the republic's leadership to maneuver between its eastern and western neighbors. The author concludes that the corpus of scholarly texts, documents and 'places of memory' created over the years of the republic's independence contains various 'entry points' allowing the government to change its historical policy in almost any way to its liking. This situation persists despite the noticeable decrease of the Republic of Belarus leadership interest in accentuating the European component of national memory after the events of August 2020, and, on the contrary, a pronounced rapprochement with the Russian historical narrative (primarily with regard to the World War II). The author claims that in these conditions, an uncritical perception of common historical memory as an unshakable cornerstone underlying the unity of the Belarusian and Russian peoples may prevent Russia from adequately predicting possible changes in the geostrategic aspirations of its partner.

Keywords: history politics, politics of memory, memory diplomacy, Republic of Belarus, Union State, national identity, partisan republic, place of memory, Alexander Lukashenko, Great Patriotic War

About the author: *Anastasiya M. Ponamareva* — PhD (Sociology), Associate Professor at the Chair of Foreign Policy of Russia and CIS Countries, Lomonosov Moscow State University (e-mail: amp1982@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6585-4558).

For citation: Ponamareva A.M. 2024. History politics of Belarus: Peripeteias of evolution. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 4, pp. 95–139. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-95-139. (In Russ.)

Республика Беларусь (РБ) — стратегический союзник России. Это закреплено в последней версии Концепции внешней политики Российской Федерации (2023)¹, утверждающей в качестве одного из региональных приоритетов курс на расширение взаимодействия с Минском в рамках Союзного государства России и Белоруссии (СГРБ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Белорусские инициативы востребованы у партнеров по Организации Договора

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2023. Доступ: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 17.12.2024).

о коллективной безопасности (ОДКБ). В июле 2024 г. РБ стала десятым по счету полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а в октябре 2024 г. — партнером БРИКС. Значимость разделяемого и Беларусью, и Россией геостратегического видения для Москвы трудно переоценить, особенно в современных условиях выпадения из классической триады «братских славянских народов» такого важного звена, как Украина.

В данном контексте некритичное восприятие общей исторической памяти как незыблемого фундамента единения белорусского и русского народов несет в себе риски контрпродуктивного — на фоне обострения геополитической борьбы России с так называемым коллективным Западом — самоуспокоения. Положившись на историю «многовековой братской дружбы», легко забыть об изменчивости интерпретаций этой истории под влиянием внутри- и внешнеполитических факторов.

Два элемента, согласно классическому определению Э. Ренана, составляют «душу нации» (а работа по выстраиванию эффективного Союзного государства во многом схожа с формированием «государства-нации»). Первый — «общее обладание богатым наследием воспоминаний», второй — «общее соглашение, желание жить вместе, продолжать сообща пользоваться доставшимся неразделенным наследством» [Renan, 1997: 46]. Устойчивость этого соглашения во многом определяется актуальной политической конъюнктурой, задающей социальные рамки для осмысления и переосмысления истории.

Сказанное служит обоснованием актуальности цели настоящего исследования — на основе рассмотрения эволюции исторической политики РБ с момента обретения ею независимости и до наших дней выявить ключевые факторы, обуславливающие содержательную трансформацию официального исторического нарратива республики. Фокус внимания автора направлен на раскрытие связки между изменением внутри- и внешнеполитического контекста и «непредсказуемостью прошлого» ближайшего стратегического партнера России. Тесная связь исторической политики с идентичностью сообщества, ограничивающей диапазон доступных политическим элитам модальностей балансирования/примыкания, обуславливает практическую значимость поставленной в статье задачи для специалиста-международника.

Теоретические рамки и методы исследования

С переходом к дезорганизованной форме капитализма, характеризующейся активизацией конкурентной борьбы и уменьшением влияния государства на экономику [Jessor, 2002], высветилась важность культурного измерения разного рода социально-политических и социально-экономических процессов. На разделяемое большей частью академического сообщества представление *Culture Matters* наложился современный «мемориальный бум». Предпосланный очередным этапом трансформации мирового порядка, он накрыл гуманитарные дисциплины взрывной волной исследований, предполагающих обращение к исторической памяти.

Прошлое реконструируется в настоящем, и характер этой реконструкции определяется в динамическом взаимодействии различных, включая государство, агентов памяти. Утверждение собственного исторического нарратива в качестве доминирующего чаще всего сопряжено с удержанием в своем распоряжении ряда символических и материальных ресурсов, т.е. становится еще одним инструментом борьбы за власть как за «шанс осуществить свою волю в рамках некоторого социального отношения, даже вопреки сопротивлению, на чем бы такой шанс ни был основан» [Weber, 1972: 122].

Коллективы, в отличие от отдельных индивидов, создают воспоминания как социальные конструкции [Ассман, 2014]. Подход к прошлому через призму этой важнейшей характеристики, впервые четко обозначенной французским социологом М. Хальбваксом [Хальбвакс, 2007], полностью переносит прошлое в настоящее. Таким образом, историческая память оказывается связана не с историей как таковой, а только с ее наследием в том виде, в каком оно запоминается и интерпретируется.

Идентификация исторической памяти по ее постоянно меняющимся социальным рамкам стала одной из ключевых тем обширной междисциплинарной литературы, охватывающей области социологии, психологии, истории. Однако политологи также внесли свой вклад в ее разработку, переключив внимание исследователей с социологического анализа сути памяти на инструменталистский в своей основе вопрос: а что коллективы могут делать с памятью? [The collective memory reader, 2011].

Важнейшие функции, которые историческая память выполняет для сохранения и поддержания идентичности нации, особенности

ее использования как инструмента легитимации действий режима получили широкое освещение в отечественной² и зарубежной³ научной литературе. Посредством исторических нарративов, «мест памяти» [Нора, 1999], «изобретенных традиций» [Hobsbawm, Ranger, 1983] определенная версия прошлого передается будущим поколениям и как таковая несет в себе потенциал объединения людей вокруг позитивного представления о себе. Обеспечивая необходимую связь между «историей (как фактом) и национальной идеологией (как мифом)» [Markovits, Reich, 1997: 12], историческая политика (т.е. сознательное, целенаправленное конструирование исторических оценок и трактовок прошлого государственными и окологосударственными институтами) позволяет нациям поддерживать устойчивость видения самих себя в мире [Steele, 2008], превращаясь в одну из скреп онтологической безопасности.

В рамках данного исследования онтологическая безопасность рассматривается нами в терминах Дж. Хейсманса, а именно — как «стратегия управления пределами рефлексивности посредством вписывания социальных отношений в символический и институциональный порядок» [Huysmans, 1998: 242].

Анализируя динамику эволюции исторической политики РБ, мы ожидаемо будем придерживаться конструктивистского подхода к трактовке исторической памяти. Однако в рамках данной статьи попытаемся подсветить и внешнеполитическое измерение исторической политики. Последнее зачастую упускается из рассмотрения большей частью исследователей, предпочитающих изучать специфику поддержания национальной сплоченности за счет конструирования нарративов прошлого. Мы же попробуем показать, как с помощью исторической политики государство добивается своих международных целей. Официальные исторические нарративы,

²Приводимый список трудов, безусловно, не исчерпывающий, но в нем сознательно выделены коллективные монографии последних лет, обобщающие широчайший массив наработок предшественников, сфокусированные на систематизации категориально-понятийного аппарата и обосновывающие постановку новых исследовательских вопросов: [Идентичность как категория политической науки, 2011; Идентичность: личность, общество, политика..., 2023; Методологические вопросы изучения политики памяти, 2018; Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы..., 2020].

³Классическими для этого направления можно назвать труды таких теоретиков национализма, как Э. Геллнер и Б. Андерсон: [Gellner, 1983; Anderson, 1983].

предъявляемые международному сообществу, обычно проходят предварительную апробацию внутри страны и отражают сложившуюся иерархию ценностей конкретной политики. Вместе с тем это не означает невозможности выстраивания исторических нарративов с *изначальным* прицелом на международную аудиторию и *последующим* согласованием с внутринациональным ландшафтом памяти. Таким образом, маршрут воздействия памяти может пролегать и от международной сферы к внутренней, а не наоборот.

Исходя из того, что дипломатия памяти сохраняет целенаправленный характер внешней политики и может быть квалифицирована как инструментальная стратегия, ориентированная на достижение конкретной международной цели, в статье мы косвенно затрагиваем проблемы секьюритизации истории, мнемонической безопасности, получившие концептуализацию в работах датской исследовательницы М. Мальксоо [Mälksoo, 2015].

Перечисляя авторов, обращавшихся к рассмотрению исторической политики РБ, невозможно не упомянуть работы О.Г. Буховца, описывавшего ее становление в первые десятилетия независимости республики. Он, в частности, подготовил отдельную главу — «Историописание постсоветской Беларуси: демифологизация “ремифологизации”» — для коллективной монографии «Национальные истории на постсоветском пространстве» Ассоциации исследователей российского общества АИРО-XXI [Буховец, 2010]. В соавторстве с Д.Е. Фурманом написана статья об особенностях белорусского самосознания [Фурман, Буховец, 1996]. И в монографии, и в ряде других публикаций [Буховец, 2008, 2009] ученый активно использовал данные комплексного исследования «Развитие белорусской нации», проведенного Независимым институтом социально-экономических и политических исследований в 1992 г. Результаты опросов были изложены в коллективной работе Ю.С. Ермолаева, В.Н. Карбалевича, В.Н. Ламако [Ермолаев и др., 1992]. Кроме того, сквозь призму идентитарного подхода О.Г. Буховец оценивал перспективы российско-белорусской интеграции [Буховец, 2003].

Новеллы исторической политики РБ последних лет, присущие ей противоречия и пересечения белорусского и украинского вариантов исторической политики освещались в статьях ведущего научного сотрудника Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН А.Д. Гронского [Гронский, 2023а, 2023б].

Развитие национальной идентичности Беларуси в условиях конкуренции европейского и евразийского (пророссийского) интеграционных проектов анализировала Л.Г. Титаренко [Titarenko, 2007; Титаренко, 2010; Титаренко, Широканов, 2010]. Взаимосвязь национальной идентичности белорусов с их историческими, политическими и языковыми предпочтениями рассматривали Н.А. Антанович [Антанович, 2010], А. Зам [Зам, 1995], Л.И. Науменко [Науменко, 2012], В.Г. Шадурский [Шадурский, 2014]. Последний выделил четыре группы, каждая из которых осуществляет собственную политику памяти: белорусы (западнорусисты); советские белорусы (местные, «тутэйшыя», «креолы»), белорусы и евробелорусы. При этом сам автор признал, что «в сложившихся условиях доминирующая роль в формировании исторической политики принадлежит руководству государства» [Шадурский, 2014: 22]. Эффективность такого инструмента исторической политики, как «мобилизация Средневековья», в обосновании древних истоков белорусского нациогенеза и преодолении «имперской ситуации» оценивал А.И. Филюшкин [Филюшкин, 2017]. Уникальный характер белорусской культуры в контексте восточнославянской цивилизации подчеркивала О.В. Батраева [Батраева, 2010а, 2010b]. К дискуссионному в своей политизированности, но интересному заключению пришел в своих исследованиях Ю.В. Шевцов, посчитавший белорусов «народом катастрофы», причем «катастрофой» была названа не Великая Отечественная война (ВОВ), что легко можно было бы предположить, а авария на Чернобыльской атомной электростанции (АЭС). «Чернобыльская катастрофа дала белорусской культуре моральное обоснование самостоятельного существования и право оценивать степень моральности иных культур, особенно культур развитых стран» [Шевцов, 2005], — утверждал автор, проецируя этот вывод на отношения Беларуси как со странами Запада, так и с Россией.

Тему раздробленности памяти в Беларуси и наличия ярко выраженного европейского компонента в белорусской идентичности развивали Г. Саганович [Sahanovich, 2002]; А. Браточкин [Браточкин, 2016], Н. Бекус [Bekus, 2010]. Этапы трансформации европейской составляющей в процессе нациестроительства выделили Е.А. Бикетова и Ю.Г. Чернышов, отметившие малую вероятность утраты ею своего значения в ближайшем будущем [Бикетова, Чернышов, 2018]. Избирательное заимствование элементов «советского наследия» в ис-

торической политике РБ было проанализировано в более поздней работе Е.А. Бикетовой, констатирующей факт ремифологизации части его основных постулатов (например, роли Беларуси в Великой Отечественной войне) в пользу национальной истории [Бикетова, 2020]. Обзор сосуществующих в общем политическом пространстве страны, но соответствующих противоположным историческим нарративам символов, а также специфики их применения в различных контекстах содержится в исследовании Д.В. Петрухиной [Петрухина, 2024].

О противоречиях между советским прошлым и национальной перспективой писал А. Ластовский [Ластовский, 2009], опыт нациестроительства Украины и Беларуси с учетом влияния идентитарного фактора сравнивали М. Нордберг, Т. Кузьо [Нордберг, Кузьо, 1998], Л.В. Томайчук [Томайчук, 2013].

Крайне полезной с точки зрения изучения расстановки политических сил в РБ и специфики эволюции политической системы оказалась коллективная монография ИМЭМО РАН под ред. Э.Г. Соловьёва «Постсоветские государства на современном этапе: внутриполитическая динамика и поиск путей развития» [Постсоветские государства..., 2024].

Компаративный анализ нормативно-ценностных установок исторической политики России и Беларуси был осуществлен в исследовании А.А. Линченко и Е.В. Беляевой [Линченко, Беляева, 2020], констатирующих неспособность общего советского прошлого стать этико-мировоззренческой основой формирования космополитической идентичности СГРБ, несмотря на то что Великая Отечественная война 1941–1945 гг. занимает центральное место в культуре памяти обеих стран. Различия в образах ВОВ у российской и белорусской молодежи, выявленные на основе обработки 50 фокусированных интервью респондентов в возрасте от 18 до 30 лет, были показаны в исследовании 2021 г. А.Ю. Бубнова и М.А. Савельевой. Фиксируя проявившуюся в тот период тенденцию к ментальному дистанцированию молодых белорусов от культурного единства с Россией, авторы указали, что нарастающая разница в восприятии ВОВ связана в том числе с оценкой статуса 9 мая, преобладанием трагической памяти, акцентированием символов войны и позиций в споре о вкладе в победу СССР и США [Бубнов, Савельева, 2021].

На расхождения в официальных нарративах России и Беларуси о Великой Отечественной войне обращают внимание и зарубежные исследователи, подчас преувеличивая их. В частности, эксперт Института европейских исследований Бременского университета С. Льюис рассматривает почетное звание «партизанской республики», заслуженное Беларусью в годы ВОВ, как наследие советского «колониального дискурса» и способ навязывания доминирующих норм идентичности «угнетаемому населению» [Lewis, 2017]. В данном контексте следует подчеркнуть, что об отчуждении Беларуси от себя самой в результате «советского колониального подчинения» всё же громче всех говорят белорусские националистически настроенные интеллектуалы, в ряду которых можно выделить В. Акудовича [Акудовіч, 2003, Акудовіч, 2007] и В. Ракицкого [Ракицкі, 2010]. А вот с контраргументами выступают преимущественно интегрировавшиеся в западное академическое сообщество русскоязычные исследователи, например Е. Гапова [Гапова, 2005] и А. Першай [Pershai, 2008, 2012], которые рассматривают белорусский постколониализм как нарративный шаблон, созданный в политических целях активистами постсоветской РБ. Что же касается англоязычных авторов, то они нередко акцентируют в своих работах исторически обусловленную разделенность белорусского общества и опасность так называемой ресоветизации во всех областях, в том числе в сфере исторической политики [Belavusau, 2022; Ackermann et al., 2023].

Подводя итог историографического обзора, отметим, что в отечественной науке белорусскому сюжету уделяется несравнимо меньше внимания, чем украинской теме или противостоянию с так называемым коллективным Западом в области исторической политики. Такой дисбаланс легко объясним, поскольку в первом приближении изучение «войн памяти» представляется значительно более привлекательным, чем поиск эффективных инструментов реализации дипломатии памяти. В текущих условиях мы с ближайшим стратегическим союзником «битву за историю» не ведем, но оценить накопленный к настоящему времени Минском мнемонический арсенал было бы полезно.

Выводы данной работы были получены с использованием дискурс-анализа, выполненного на различных типах документов, включая законодательные акты, материалы СМИ, тексты политических выступлений, сообщения официальных институтов, вовлеченных

в реализацию исторической политики РБ. Обращение к дискурсу-анализу позволило выйти за рамки простого описания содержания исторических нарративов и перейти к объяснению, под воздействием каких внутри- и внешнеполитических факторов эти нарративы формировались и решению каких задач, выходящих за пределы чистой науки, они отвечают.

Первая половина 1990-х годов: преодоление болезни постсоветского роста

В первые годы независимости историческая политика официального Минска базировалась на элементах, схожих с теми, что использовались другими бывшими советскими республиками в поисках национальной идентичности. Это в первую очередь «удревнение» истории, фетишизация «внероссийского» (в данном случае — литовского) периода в истории Беларуси и утверждение принципиальной разности белорусов и великорусов. Закономерно и совершенно обоснованно в 1993 г. в школьную программу был добавлен отдельный курс по истории страны. Однако одним из ключевых элементов официального исторического нарратива 1990-х годов стала «битва при Орше» 1514 г., возведенная белорусскими националистами в ранг мифа-основания государства.

В российской историографии этому событию, встроеному в череду сражений Русско-литовской войны 1512–1522 гг., традиционно уделялось незначительное внимание. В Оршанской битве русское войско противостояло объединенным силам Королевства Польского и Великого княжества Литовского, в состав которого входили современные белорусские земли. Русская армия отступила, однако стратегическое значение победы польско-литовского воинства оказалось скромным: не был взят даже Смоленск, как и ряд других территорий, в конечном счете оставшихся в составе Российского государства. Попытка углубить историю белорусов через отсылку к сражению, победа в котором была достигнута в первую очередь поляками, выглядит неубедительно. Говорить же о формировании национального самосознания белорусов применительно к первому десятилетию XVI в. было бы откровенным преувеличением. Тем не менее соответствующий нарратив активно продвигала целая плеяда белорусских специалистов, в ряду которых можно выделить Г.Н. Сагановича и В.А. Орлова. Стремление выдать сомнительный

средневековый триумф польского короля за ратный подвиг белорусов вписывалось в общую тенденцию поиска национальной идентичности через противопоставление себя России во всех ее исторических итерациях и находило полное понимание на Западе.

С конца 1980-х годов общественное движение Белорусский народный фронт «Возрождение» (реорганизовано в 1993 г. в «Партию БНФ») продвигало «миф» о Куропатах. Опорные элементы этого нарратива были сформулированы в 1988 г. в совместной статье будущего лидера БНФ, на тот период научного сотрудника Института истории Академии наук БССР З. Позняка и его коллеги Е. Шмыгалёва «Куропаты — дорога смерти», опубликованной в издании «Литература и искусство»⁴. Газетная публикация сообщала читателю о факте захоронения в лесном массиве Куропаты жертв политических репрессий сталинского режима. С этого времени в пространстве политики памяти Беларуси развернулись «бои за историю» далеко не местного значения. Версия, что с 1937 по 1941 г. в лесном массиве Куропаты под Минском органы НКВД⁵ совершали массовые расстрелы граждан, была подтверждена в ходе проведенного прокуратурой БССР в 1988–1989 гг. расследования. По его итогам в 1990 г. коллективом авторов в составе Г.С. Тарновского, В.В. Соболева и Е.Г. Горелик была опубликована книга «Куропаты: следствие продолжается...»⁶. Информационный резонанс вокруг этой темы не удивляет: впервые в республике было возбуждено уголовное дело по расследованию преступлений, совершенных пять десятилетий назад. Контрнарратив был сформулирован достаточно быстро: в июне 1990 г. члены общественной комиссии по расследованию преступлений в Куропатах под председательством В.П. Корзуна направили в Прокуратуру СССР собранный ими материал, доказывавший, что в лесном массиве захоронены жертвы немецко-фашистских захватчиков, а не расстрелов НКВД. В дальнейшем в общественно-политическом дискурсе эта версия была закреплена двумя научно-популярными изданиями: работой А.В. Смолянка «Куропаты. Гибель фальшивки. Документы и факты» [Смолянок, 2011] и книгой А.С. Плавинского «Куропаты — у истоков исторической сенсации» [Плавинский,

⁴Пазняк З., Шмыгалёв Я. Куропаты — дарога сьмерці // Літаратура і мастацтва. № 23. 03.06.1988.

⁵Народный комиссариат внутренних дел СССР. — *Прим. ред.*

⁶Тарнавский Г., Соболев В., Горелик Е. Куропаты: следствие продолжается. М.: Юридическая литература, 1990.

2019]. Тем не менее в заключениях Генеральной прокуратуры РБ по итогам повторных расследований в 1995 и 2001 гг. «Куропаты» были вписаны в трагическую летопись событий «Большого террора», а не военных преступлений нацистов в годы Великой Отечественной войны [Дюков, 2017].

Надо отметить, что тему Куропат достаточно быстро подхватили в Польше: с 1992 г. путем нехитрого символического переноса происходившие там события закрепились в польском общественно-политическом дискурсе под названием «пятая Катынь». 15 января 1994 г. президент США (1993–2001) У. Клинтон во время своего шестичасового визита в РБ успел провести переговоры с председателем Верховного Совета С. Шушкевичем и премьером В. Кебичем, возложить венок к монументу Победы, но также поучаствовать в открытии скамейки в Куропатах. С этой скамейкой радикальные сторонники А.Г. Лукашенко воюют до сих пор, обычно путем нанесения на нее оскорбительных надписей, отсылающих к бурной личной жизни американского президента.

К сожалению, в попытке привлечь максимум общественного внимания к трагедии в Куропатах группа З. Позняка прибегла к манипуляции статистикой жертв, включив в расчеты останки, не только реально обнаруженные в захоронениях, но и якобы изъятые оттуда. Не подкрепленные никакой адекватной объяснительной схемой предположения и обобщения позволили З. Позняку выйти на внушительную цифру в 250 тыс. человек. На этом фоне оценки следствием общего числа захороненных в Куропатах — «более 30 тыс. человек» — внушали больше доверия, но также не отличались точностью, поскольку были получены методом прямой экстраполяции данных о найденных останках на все предполагаемые места захоронения. Прихотливые извивы борьбы различных политических сил за собственную версию «трагедии в урочище Куропаты» подробно описаны научным сотрудником Института российской истории РАН А. Дюковым в статье 2017 г. «К вопросу о численности расстрелянных органами НКВД в Куропатах», завершающейся тезисом о том, что «под Минском лежат не сотни и даже не десятки тысяч расстрелянных. Однако из этого не следует, что память жертв сталинских репрессий не заслуживает увековечения» [Дюков, 2017].

Подобно тому, как это происходило на всём постсоветском пространстве, историческая политика РБ оказалась заложницей исхода

противостояния между сторонниками евразийской и антиевразийской интеграции. Отдельные авторы описывают последнее как столкновение «роевропейской/национальной» и «просоветской/пророссийской ориентаций» [Шадурский, 2014: 11], но отождествление «национального» с «роевропейским» представляется нам несколько некорректным. С нашей точки зрения, эпитет «национальный» в большей степени отражает подход, сфокусированный на примирении конфликтующих сторон за счет выработки самобытной формы существования, в том числе с помощью частичной актуализации идеи философа И.В. Кончевского (Абдзираловича) о способности РБ выступить «мостом» между Востоком и Западом [Абдзираловіч, 1993].

И необходимо отметить, что более взвешенная в отношении выбора геостратегической ориентации позиция нашла отклик у электората, что подтвердили первые президентские выборы в истории РБ (1994). Споры о содержании национальной идентичности, естественно, затрагивали вопросы употребления русского и белорусского языков, и приверженцы национального подхода предлагали придать русскому языку статус государственного, что логично именно из соображений формирования гражданской нации при большом проценте русскоязычных среди населения.

На прошедшем в мае 1995 г. референдуме политика А.Г. Лукашенко, направленная на более тесную экономическую интеграцию с Россией и придание русскому языку статуса равноправного государственного языка, была одобрена⁷. Процесс фактической дерусификации, осуществлявшийся под более благозвучным названием

⁷ По инициативе А.Г. Лукашенко в мае 1995 г. состоялся первый республиканский референдум. В качестве вопросов, решение по которым является окончательным и «имеет обязательную силу на всей территории Республики Беларусь», были вынесены следующие три: «Согласны ли Вы с приданием русскому языку равного статуса с белорусским?»; «Поддерживаете ли Вы предложение об установлении новых Государственного флага и Государственного герба Республики Беларусь?»; «Поддерживаете ли Вы действия Президента Республики Беларусь, направленные на экономическую интеграцию с Российской Федерацией?». По первому вопросу «за» проголосовало 83,3%, по второму — 75,1%. В поддержку идеи более тесной кооперации с Россией в экономической сфере выступили 83,3%. См. подробнее: Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов «Об итогах голосования на республиканском референдуме 14 мая 1995 года» // Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь. Доступ: archive-referenda-1995-soob.pdf (rec.gov.by) (дата обращения: 17.12.2024).

«белорусизации», был приостановлен. Учащиеся средних школ, специальных и высших учебных заведений получили право свободного выбора языка обучения [Сергеев, Фадеев, 2019]. И, наконец, важным маркером поворота в исторической политике стала смена государственной символики — отказ от утвержденного в 1991 г. бело-красно-белого флага и герба «Погоня»⁸.

Т.е. уже в первой половине 1990-х годов наметился переход к мягкой стратегии построения «нации-государства», не предполагающей тотальной дерусификации.

Вторая половина 1990-х годов: избирательная ресоветизация

Несмотря на то что первые годы президентства А.Г. Лукашенко ознаменовались заключением Таможенного союза между РФ и РБ (1995); подписанием Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве (1995); созданием Сообщества России и Белоруссии (1996) и далее — формированием Союзного государства (1999), нельзя сказать, что политика президента носила исключительно пророссийский характер. Баланс в сторону Москвы стал смещаться лишь с переходом Запада от соблазнения действующего режима преимуществами европеизации к попыткам его смены как авторитарного и бонапартистского по своей сути. Реакцией Запада на итоги ноябрьского референдума 1996 г., приведшего к усилению президентской власти и продлению полномочий А.Г. Лукашенко, стали приостановка статуса РБ в качестве «специально приглашенной страны» в Парламентской ассамблее Совета Европы и отказ последнего ратифицировать Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Европейским союзом, заключенное в марте 1995 г.

К середине 1990-х годов обозначились три подхода к вопросу формирования белорусской исторической науки и исторического сознания нации. Часть специалистов, связанных преимущественно

⁸ Герб «Погоня» был гербом Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Белорусской Народной Республики (БНР в 1918 г.). Во время нацистской оккупации Белоруссии в 1941 г. немцы в целях сотрудничества с местным населением создали там органы местной администрации: Белорусскую центральную раду, полицию, Союз белорусской молодежи и т.д. В качестве символов захваченной территории, оформленной как «генеральный округ Вайсрутиен», была дана отмашка использовать бело-красно-белый флаг и герб «Погоня». С тех пор за двухцветным стягом белорусских националистов закрепилась репутация символа коллаборационизма.

с общественной организацией «Славянский собор “Белая Русь”» и минским городским клубом «Исторические знания», заняла консервативную позицию, призывая ограничиться косметической правкой выработанных еще в период СССР исторических нарративов. Второе направление было представлено сторонниками «творческого подхода», стремившимися переосмыслить прошлое без излишней политизации. Представители третьего подхода взяли курс на полный демонтаж прежнего исторического знания, усиление этноцентризма и отрицание исторической общности белорусского и русского народов [Вирская, 2002].

Соотношение сил этих трех групп изменилось во второй половине «девяностых», которая стала для исторической политики РБ периодом частичного возврата к советским установкам, в первую очередь к представлению о БССР как о «первом белорусском государстве». Выстраивание подобной линии преемственности позволило государству одним выстрелом убить двух зайцев. Во-первых, борьба режима с оппозицией была описана в терминах противостояния экзистенциального уровня. В общественно-политический дискурс интегрировались антиномии выбора: Белорусская Народная Республика против Белорусской Советской Социалистической Республики; коллаборационисты против Красной армии и Советского государства; «Батька» против купленных Западом либералов-националистов. Во-вторых, создавалась почва для последующей приватизации памяти о Великой Отечественной войне [Борисов, 2012: 37].

На второй республиканский референдум (1996) наряду с другими вопросами было вынесено предложение президента страны перенести «...День независимости Республики Беларусь (День Республики) на 3 июля — день освобождения Беларуси от гитлеровских захватчиков в Великой Отечественной войне»⁹. «За» проголосовали 88,18%¹⁰.

Реабилитация «советского» во второй половине 1990-х годов не привела к ликвидации национальной историографии. Уместнее говорить о ее адаптации. Выбор 3 июля в качестве даты отмеча-

⁹ Ранее День независимости отмечался 27 июля, когда Беларусь вслед за семью другими республиками СССР приняла Декларацию о государственном суверенитете.

¹⁰ Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов «Об итогах голосования на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года» // Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь. Доступ: archive-referenda-1996-soob.pdf (rec.gov.by) (дата обращения: 17.12.2024).

Дня независимости в данном случае показателен. Дата относится к освобождению Минска, а не к окончанию самой войны. Обращение к ней помогает национализировать военную память в РБ. Акцентирование внимания на партизанской войне — и Беларуси как «партизанской республике» — было призвано подчеркнуть особую роль белорусского народа.

Преобладание памяти о ВОВ в обращении властей к советскому наследию легко объяснимо. В силу своей непротиворечивости она выступает основным конституирующим белорусскую нацию мифом [Ластовский, 2009]. Помимо этого объединяющего сюжета найдется на так много тем, способных содействовать консолидации нации. Знаковыми, но болевыми точками коллективной памяти белорусского народа выступают такие элементы советской истории, как авария на Чернобыльской АЭС (лидер «черного списка» событий, вызывающих чувства горечи и стыда), война в Афганистане, сталинские репрессии, коллективизация [Ластовский, 2010].

С учетом всего сказанного предлагаемое рядом авторитетных отечественных [Линченко, Беляева, 2020] и западных [Belavusau, 2022; Ackermann et al., 2023] исследователей описание исторической политики РБ в период с 1994 по 2003 г. в парадигме «ресоветизации» представляется не вполне точным. В данном случае мы наблюдаем избирательное заимствование наиболее «политически пригодного» прошлого советской символики при полном ее идеологическом выхолащивании.

Первая половина 2000-х годов: идеологизация и тенденция приватизации памяти о Великой Отечественной войне

К началу 2000-х годов очевидным стало торможение интеграционных процессов в рамках СГРБ: несмотря на создание ряда межгосударственных структур и унификацию законодательства, сторонам не удавалось достичь консенсуса относительно формата объединения и принять единый Конституционный акт¹¹.

Что же касается исторической политики, то в продвигавшемся А.Г. Лукашенко и поддерживаемом всеми государственными учреж-

¹¹ Акт этот не принят до сих пор, хотя предполагалось, что он станет своего рода промежуточным звеном между Договором о создании Союзного государства и его полноценной Конституцией.

дениями идеологическом нарративе была многократно усилена роль ВОВ и патриотического воспитания. Отметим, что Беларусь является единственным постсоветским государством, на официальном уровне закрепившим государственную идеологию¹², причем не в виде набора символов и абстрактных тезисов, а в качестве законченной системы с внедрением ее в образовательный процесс как обязательной дисциплины. При Администрации президента было образовано Главное идеологическое управление, а также созданы управления идеологической работы на городских и муниципальных уровнях. В 2003 г. в учебные программы вузов Беларуси был введен курс «Основы идеологии белорусского государства»; с 2004/2005 учебного года осуществляется преподавание спецкурса «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)»¹³.

Хорошими поводами органично встроить историческую память о ВОВ в идеологическую работу стали два юбилея: 60-летие освобождения Беларуси в 2004 г. и 60-летие победы в ВОВ в 2005 г. Были проведены реставрационные работы в таких значимых мемориальных комплексах, как Хатынь и Курган Славы. 29 апреля 2005 г. на юго-восточном въезде в Минск у станции метро «Могилёвская» был установлен первый памятник белорусскому партизанскому движению — «Беларусь партизанская».

С середины 2000-х годов обозначилась тенденция приватизации памяти о Великой Отечественной войне. Отдельные специалисты, в частности Н. Лещенко [Leshchenko, 2004: 339] и солидаризировавшаяся с ней в выводах А. Гужон, рассматривают ее как «часть более глобальной национализации политики белорусской идентичности», указывая, что А.Г. Лукашенко реализовывал «стратегию строительства нации, направленную на согласование белорусской суверенности для укрепления авторитарного правления в стране» [Goujon, 2010: 8].

¹² Доклад Президента Республики Беларусь на семинаре руководящих работников по идеологической работе 27 марта 2003 г. // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. Доступ: <http://www.president.gov.by/press29213.html> (дата обращения: 17.12.2024).

¹³ О совершенствовании идеологической и воспитательной работы в учреждениях, обеспечивающих получение высшего образования. 3 февраля 2005 г. № 42. Доступ: <https://www.belstu.by/documents/vospit-rab/norm-pr-obesp/prikazy/osovershenstvovani.pdf> (дата обращения: 17.12.2024).

Власти перешли к продвижению белорусского опыта войны как в его героическом, так и в жертвенном измерении. Акцентировалась идея уникальности (с точки зрения его массовости) партизанского движения, развернувшегося в Беларуси против немецких захватчиков. Подчеркивалось, что историческое значение этого движения до сих пор не получило адекватной оценки.

Можно констатировать, что в 2000-е годы историческая политика РБ служила построению именно гражданской нации (белорусский народ рассматривался как часть наднационального славянского сообщества, избирательно заимствовались советские наработки). При этом обращение к памяти о войне выступало инструментом легитимации политики А.Г. Лукашенко в отношении внесистемной оппозиции, нередко изображаемой в качестве «фашистов» или «пятой колонны». В свою очередь оппозиция предлагала собственную версию политики памяти, в рамках которой белорусский лидер выступал идейным продолжателем работы «советской репрессивной машины». Иными словами, разлом между двумя мемориальными дискурсами отражал конкуренцию двух версий белорусской национальной идентичности. Первая основывалась на восточнославянском компоненте и включала советскую историю, преподносимую преимущественно в положительном свете, вторая закладывала в основание идентичности белорусов этнические характеристики (прежде всего язык, но также национальную память) и не допускала возможности рассмотрения советского прошлого в позитивном ключе [Gocijon, 2010: 9]. В данном случае уместно провести параллели с исторической политикой Украины до «оранжевой революции», которая была подробно проанализирована экспертом Украинского исследовательского института Гарвардского университета С. Шулманом в статье «Контуры гражданской и этнической национальной идентификации на Украине» [Shulman, 2004].

На сегодняшний день в Беларуси насчитывается около 9 тыс. памятников и захоронений ВОВ¹⁴. Коммеморативные мероприятия, разворачивающиеся вокруг этих «мест памяти», используются

¹⁴ Значение «мест памяти» ВОВ в общественной культуре памяти и государственной исторической политике Республики Беларусь раскрывается в исследовании Алеси Корсак. В нем дана типологизация мест захоронения различных жертв нацистской политики согласно действующему белорусскому законодательству, раскрыты проблемные аспекты мемориализации мест, связанных с жертвами среди гражданского населения [Корсак, 2021].

властями и в качестве платформы для трансляции идеи о том, что страна всё еще находится в состоянии борьбы — сопротивления попыткам внешних и внутренних сил дестабилизировать режим А.Г. Лукашенко. Так, во время церемонии открытия архитектурно-скульптурного знака «Беларусь партизанская» в 2005 г. президент страны призвал ветеранов ВОВ не беспокоиться за будущее республики. «Я понимаю ветеранов, они с опаской посматривают на разного рода цвета — оранжевые там, голубые и так далее. Смеею вас заверить: за Беларусь будьте спокойны. Как когда-то на последнем рубеже нашего Отечества здесь мы нанесли решительные удары по фашизму, так и теперь тот, кто посмеет ступить на эту светлую землю, обгавленную людской кровью, получит достойный отпор»¹⁵, — заявил глава государства. Намек на «оранжевую революцию» на Украине был очевиден, как и символическая параллель между противостоящим оранжевой угрозе режимом и белорусским сопротивлением нацизму в период ВОВ. В этой символической конструкции А.Г. Лукашенко оказывался главным защитником стабильности и продолжателем дела ветеранов войны. Показательно, что на открытие комплекса были приглашены граждане иностранных государств, участвовавшие в боях за Беларусь. Помимо выходцев из России и Украины присутствовали представители Польши, Австрии, Норвегии, Италии, Венгрии, Швейцарии. Таким образом, нарратив, транслировавшийся в ходе этих коммеморативных мероприятий, был адресован как внутренней, так и внешней аудитории.

Беларусь между Востоком и Западом, или как бытие определяло сознание

Изображение оппозиции как идейных наследников коллаборационистов времен Второй мировой войны вошло в реестр методов государственной пропаганды с середины 1990-х годов, частота же обращения к этому инструменту варьировала в зависимости от степени давления, оказываемого западным сообществом на режим. В целом же антизападные элементы в исторической политике страны ретушировались в периоды охлаждения российско-белорусских

¹⁵ Трагедия Великой Отечественной не должна повториться // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. 29.04.2005. Доступ: <https://president.gov.by/ru/events/tragedija-velikoj-otechestvennoj-ne-dolzha-povtoritsja-2172> (дата обращения: 17.12.2024).

отношений. Так, отметим, что историческая политика в полной мере испытала на себе влияние конфликтов в области энергетического сотрудничества между двумя «братскими республиками». Результаты несовпадения интересов России как нетто-экспортера и Беларуси как нетто-импортера энергоресурсов на фоне общей тенденции к постепенному отходу от льготных условий поставок ряд экспертов отрасли описывали в терминах «нефтегазовых войн». Наиболее заметными стали конфликты в 2006–2007 и 2009–2010 гг., спровоцировавшие резкое обострение политических отношений между странами и временное блокирование транзита российской нефти в ЕС¹⁶. Еще одним камнем преткновения оказался вопрос экспортных пошлин и доступа белорусской молочной продукции на российский рынок.

К концу 2010-х годов смена информационной повестки сместила баланс в исторической политике страны в сторону утверждения нарратива о наличии у белорусской нации собственного, отличного от России, пути развития. Этот тезис с различной степенью жесткости и осуждения советского прошлого транслировался как властными кругами, так и оппозицией.

Показательно, что в 2012 г. на фоне широкого празднования в РФ 1150-летия российской государственности в Беларуси с максимально возможным размахом и участием президента страны отметили альтернативный праздник — 1150-летие Полоцка. Лейтмотивом коммеморативных мероприятий стало указание, причем со ссылкой на «Повесть временных лет», что «именно на полоцкой земле берет начало белорусская государственность». Тезис этот расходится с текстом самой «Повести», где существование средневекового Полоцка описывается исключительно в контексте Древнерусского государства. «Изобретение традиции» празднования основания Полоцка как «древнейшего белорусского города» было призвано подчеркнуть многовекторный характер политики официального Минска. Характерно, что в рамках выступления на Дне города в 2012 г. А.Г. Лукашенко счел необходимым подчеркнуть: «Беларусь — это не задворки Европы, а врата в ЕвроАзию, ключ к практическому воплощению идеи интеграции интеграций. Ведь объединение потенциалов Европейского и Евразийского союзов позволит создать совершенно

¹⁶ Нефтегазовые споры России и Белоруссии // РИА Новости. 03.04.2017. Доступ: <https://ria.ru/20170403/1491221294.html> (дата обращения: 17.12.2024).

новые возможности для динамичного развития и всестороннего сотрудничества стран и народов двух континентов»¹⁷.

Российско-украинский конфликт 2014 г. – вызов «альянсу памяти» официальных Москвы и Минска

Сецессия Крыма, конфликт на Юго-Востоке Украины определили повестку дня постсоветского пространства (да и не только) в 2014–2015 гг. и в еще большей степени развернули вектор белорусской исторической политики в сторону «мягкого национализма». На фоне резко обострившихся российско-западных (с Евросоюзом и США) отношений Минск стал переговорной площадкой по «украинскому кризису», попытавшись выступить в роли «донора безопасности». Белорусские провластные элиты начали воспринимать Москву в качестве пока еще крайне полезного, но всё более токсичного партнера. В области исторической политики эта переоценка ценностей выразилась в складывании тактического союза между правящими кругами и националистической прослойкой общества. Правительство приступило к поиску новых объектов коллективной памяти и объединяющих символов.

27 июня 2014 г. на праздновании 1040-летия города Витебска был торжественно открыт памятник Ольгерду — великому князю Литовскому, Витебскому и Кревскому, значительно расширившему границы княжества Литовского за время своего правления и дважды (пусть и неудачно) нападавшему на Москву. Незадолго до этого в центре белорусской столицы была установлена скульптура войта, посвященная получению Минском Магдебургского права¹⁸. В совокупности подобные инициативы были призваны продемонстрировать наличие у белорусского народа собственной

¹⁷ «Беларусь — это не задворки Европы, а врата в ЕвроАзию, ключ к практическому воплощению идеи интеграции интеграций», — заявил Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко, выступая на концерте, посвященном 1150-летию города Полоцка // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 25.05.2012. Доступ: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2012/may/9079/> (дата обращения: 17.12.2024).

¹⁸ Магдебургское право, полученное Минском в 1499 г., по решению короля Польского и великого князя Литовского Александра Ягеллончика, означало право на самоуправление. Одновременно жители Минска получали право на частную земельную собственность, что значительно активизировало экономическое и культурное развитие города. Королевская грамота также разрешала минчанам построить в городе ратушу. В 1831 г. Магдебургского права Минск, согласно указу императора

богатой событиями истории, а также традиций, сформировавшихся до включения белорусских земель в состав Российской империи. Этой же задаче косвенно содействовала государственная программа «Замки Беларуси», продолжавшаяся с 2012 по 2016 г., а позже ставшая частью более масштабной государственной инициативы «Культура Беларуси» на 2016–2020 гг. Показательна оценка, данная председателем Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по образованию, культуре и науке, членом-корреспондентом Национальной академии наук И. Марзалюком результатам реализации двух указанных проектов: «Я не раз говорил, что самое колоссальное достижение за 25 лет института президентства в Беларуси — это наш реальный архитектурный суверенитет. Для меня этот суверенитет определяют две знаковые вещи: реставрация замков и восстановление ратуш, ведь замки и ратуши — маркеры *европейской* [курсив наш. — А.П.] белорусской истории. Это то, чего нет в соседней России в силу того, что она развивалась иначе в историческом плане: там никогда не было самоуправления и не было феодализма в классическом смысле слова. А в нашей стране есть такая особенность, которая соединяет нас с Востоком и Западом, с европейской культурной традицией»¹⁹. В этой цитате мы обнаруживаем одновременно и желание утвердить европейскую версию белорусской истории через ее противопоставление истории российского народа, и признание продуктивности персоналистского правления А.Г. Лукашенко.

В 2018 г. политический режим РБ удивил многих. Ярким маркером движения в сторону «мягкой белорусизации» стало разрешение столичных властей провести митинг-концерт в честь очередного — теперь уже 100-летнего — юбилея Белорусской Народной Республики (БНР), образованной в период германской оккупации Северо-Западного края и просуществовавшей под прикрытием рейхсверовских штыков около полугода. Ранее официальные лица стремились противодействовать «Дню воли», запрещая его проведение и арестовывая участников несанкционированных митингов. В 2018 г. было разрешено даже использование традиционно-оппозиционной сим-

Николая I, был лишен, а еще спустя 26 лет была снесена и городская ратуша, вновь восстановленная лишь в 2004 г.

¹⁹ Целяшук В. Какие плоды дала госпрограмма «Замки Беларуси?» // Звезда. 31.07.2019. Доступ: <https://zviazda.by/ru/news/20190731/1564558698-kakie-plody-dala-gosprogramma-zamki-belarusi> (дата обращения: 17.12.2024).

волики. Советская и белорусская теле- и радиоведущая, народная артистка БССР З.А. Бондаренко озвучила с открытой сцены в центре Минска обращение лауреата Нобелевской премии по литературе 2015 г. С.А. Алексиевич, в котором содержались следующие примечательные тезисы: белорус — «это человек, который мечтает о свободе», «те, кто вырос в СССР, ничего про нее [БНР] не знали», «Сталин делал из белорусов русских»²⁰. Последнее заявление не может не вызывать недоумение, поскольку именно при И.В. Сталине Белорусская ССР стала одной из стран — учредительниц Организации Объединенных Наций и получила собственную независимую дипломатическую службу, что предопределило последующее признание международным сообществом независимой Беларуси в начале 90-х годов XX в.

Стратегия огосударствления содержащих протестный потенциал общественных инициатив, переход от принципа «держат и не пущат» к формату «не можешь победить — возглавь» нашли отражение и в работе режима А.Г. Лукашенко с темой урочища Куропаты. Проблему увековечивания «неудобного прошлого» было решено устранить, перехватив инициативу у негосударственных общественных движений и оппозиционных объединений, которые с конца 1990-х годов занимались расчисткой леса в Куропатах и установкой памятных крестов. В 2017 г. президент страны озвучил поручение создать в Куропатах «аккуратный, не гигантский — не Брестскую крепость — мемориал»²¹. В дальнейшем ссылками на стремление привести территорию в порядок (а то «крестов навбивали на этом кладбище больше, чем деревьев»²²) объяснялись действия властей по устранению стихийно возведенных мемориальных символов, формировавших дополнительное пространство притяжения протестного электората²³.

²⁰ Цуканова А. День воли-2018: власть уступает — и ничего не выигрывает // Фонд стратегической культуры. 26.03.2018. Доступ: <https://www.fondsk.ru/news/2018/03/26/den-voli-2018-vlast-ustupaet-i-nichego-ne-vyigryvaet.html> (дата обращения: 17.12.2024).

²¹ Лукашенко: Брестской крепости в Куропатах не будет // Sputnik. 24.03.2017. Доступ: <https://sputnik.by/20170324/lukashenko-brestskoj-kreposti-v-kuropatah-ne-budet-1027993446.html> (дата обращения: 17.12.2024).

²² Лукашенко призвал не политизировать ситуацию вокруг места захоронения жертв репрессий // ТАСС. 20.04.2019. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6357214> (дата обращения: 17.12.2024).

²³ В октябре 1988 г. на месте захоронения прошел первый массовый митинг в республике, что вписало его в список значимых символических пространств для оппозиции.

К 2019 г. зыбкий консенсус, сформировавшийся в белорусском обществе в отношении следа НКВД в истории урочища Куропаты как основной версии событий, стал размываться. В апреле 2019 г., отвечая на вопросы журналистов относительно перспектив мемориала в Куропатах, А.Г. Лукашенко, признав, что надо «отдать дань уважения тем, кто был застрелен в 30-е, 40-е, еще в какие-то годы», заявил: «Мы сегодня даже не знаем: это только сталинские репрессии или там хоронили и подзахоранивали еще кого-то, или там фашисты расстреливали людей. Мы же этого не знаем. И я не сторонник, чтобы опять копошиться и рыться от раскопок до архивов»²⁴.

Таким образом, мы видим, что власть пошла по пути огосударствления инициативы за сохранение памяти о Куропатах, чтобы иметь возможность заретушировать наиболее неудобный элемент куропатского нарратива — ответ на вопрос о природе происхождения жертв.

Несколько забегаая вперед, отметим, что сегодня в отношении атак радикалов на мемориал в память о жертвах репрессий власти придерживаются стратегии *laissez-faire*. 27 мая 2024 г. с большого креста, установленного в 1989 г. на входе в урочище, отбили икону Матери Божьей Куропатской, автором которой был художник Алесь Марочкин, но большого резонанса в официальной прессе это событие не вызвало. Как и регулярные акты осквернения креста памяти Вацлава Ластовского, общественно-политического деятеля, автора первого учебника по истории Беларуси, обвиненного по делу о «Союзе за освобождение Беларуси», приговоренного к высылке и в итоге расстрелянного²⁵.

В 2019 г. вице-премьер РБ И. Петришенко и бывший глава страны С. Шушкевич приняли участие в церемонии государственного перезахоронения руководителей и участников польского восстания 1863–1864 гг. (в том числе Кастуся Калиновского, национального ге-

²⁴ «Надо отдать дань уважения тем, кто там лежит», — Лукашенко высказался о Куропатах // БЕЛТА. 20.04.2019. Доступ: <https://belta.by/president/view/nado-otdat-dan-uvazhenija-tem-kto-tam-lezhit-lukashenko-vyskazalsja-o-kuropatah-344817-2019/?ysclid=m4i740fhan551295509> (дата обращения: 17.12.2024).

²⁵ Само появление креста памяти Ластовского на территории урочища Куропаты обусловлено политическими, а не историческими соображениями. Ластовский был расстрелян в Саратове, а настоящее место его захоронения не знает никто. Но Куропаты, позиционирующиеся как «место памяти» всех невинно убиенных, становятся пространством, где обретают последнее пристанище те, кто оказался лишен даже этой малости в годы «Большого террора».

роя Беларуси, повешенного царскими властями после суда в Вильно). Вильнюс в тот день объединил делегации четырех стран — Беларуси, Литвы, Польши и Украины. Присутствовавший на мероприятии глава Католического костела в РБ Т. Кондрусевич выступил с заявлением, в котором подчеркнул: «Калиновский первым воспринимал белорусов как отдельную политическую нацию. Ничто так не объединяет, как кровь, пролитая в совместной борьбе за свободу. Символично, что повстанцев перезахороняют в Вильнюсе — городе, который объединяет литовцев, поляков и белорусов»²⁶.

В контексте охлаждения отношений с Россией новое прочтение получила история Отечественной войны 1812 г. Она была преподнесена как братоубийственная, поскольку в ходе боевых действий, разворачивавшихся на территории современной Беларуси, часть населения поддержала Наполеона в надежде на восстановление Речи Посполитой и отмену крепостного права²⁷.

Интерпретация белорусской истории, в большей степени совместимая с российским официальным нарративом, была представлена в «Концепции белорусской государственности» — программном документе, подготовленном экспертами Института истории Национальной академии наук Беларуси. На основе этой Концепции с 2018 по 2020 г. велась работа по подготовке 5-томника «История белорусской государственности». Согласно документу государственность — «это потенциальная способность этнонациональной общности и ее элиты, обеспечивающая право и возможность длительного самостоятельного исторического существования и развития. Государство же — это конкретно-историческое воплощение государственности, совокупность государствообразующих факторов» [Полетаева, Полетаев, 2020: 104]. Принципиальной новеллой предлагаемого коллективом авторов подхода было выделение исторических и национальных форм государственности, в которых государственность белорусская находила воплощение, оставаясь «неразрывным целым». Таким образом, Киевская Русь, Полоцкое

²⁶ Что было на прощании с Калиновским в Вильнюсе // БДГ Деловая газета. 23.11.2019. Доступ: <https://belta.by/president/view/nado-otdat-dan-uvazhenija-tem-kto-tam-lezhit-lukashenko-vyskazalsja-o-kuropatah-344817-2019/?ysclid=m4i740fhan55129550> (дата обращения: 17.12.2024).

²⁷ Учебное пособие для 8-го класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения / Под ред. В.А. Сосно. Минск: Издательский центр БГУ, 2018. С. 15–17.

и Туровское княжества, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская империя описывались как исторические формы государственности на белорусских землях. И в их рамках постепенно формировалась «государственность белорусского народа, нашедшая воплощение в национальных формах: Белорусская Народная Республика, Социалистическая Советская Республика Беларусь, Советская Социалистическая Республика Литвы и Беларуси, Белорусская Советская Социалистическая Республика, Республика Беларусь» [Данилович, 2018: 10].

Представляется, что к началу 2020 г. власти достигли предельно возможной степени «белорусизации» исторической политики: дальнейшее заигрывание с националистическим (причем прозападным в своем национализме) меньшинством грозило размывать легитимность правящей элиты в представлении белорусского большинства и в еще большей степени настроить против режима официальную Москву. Отношения же с РФ и так стремительно деградировали: в предложениях Д.А. Медведева по углублению интеграции в рамках СГРБ Минск видел попытку недружественного поглощения, работа над «дорожными картами» шла крайне тяжело, а главы МИД в итоге перешли к общению посредством публикаций в СМИ. И если в политической сфере белорусская многовекторность выражалась в активизации взаимодействия с КНР с целью компенсировать ухудшение отношений с Россией, то в экономической она воплотилась в диверсификацию товарооборота по формуле 30/30/30, призванную снизить зависимость от партнера по СГРБ [Лизан, 2023: 13].

Евросоюз, поощряя дистанцирование РБ от России, в феврале 2016 г. снял санкции, 13 лет действовавшие в отношении А.Г. Лукашенко и 170 белорусских чиновников. Всем был открыт въезд в страны ЕС. Помимо этого Минску пообещали упростить визовый режим. Однако память о том, что санкции Брюсселя, не действовавшие с 2008 по 2011 г., вводились в ответ на аресты оппозиционеров, несогласных с результатами президентских выборов в 2010 г., была еще слишком жива. А.Г. Лукашенко не мог не осознавать, что еврочиновники сделают всё возможное, чтобы воспрепятствовать его очередному вступлению в должность президента, и если Беларусь и пойдет по европейскому пути, отрекаясь от «токсичной» России, то уж точно без него.

«Я думала, это весна, а это — оттепель...»

Прихотливые колебания государственной исторической политики стали еще одним фактором, способствовавшим складыванию у белорусской общественности ощущения дуновения «ветра перемен». В Минске открылись десятки западных некоммерческих организаций, поддерживавших эту иллюзию. Президентские выборы 2020 г. либеральная оппозиция восприняла как «окно возможностей» и приложила все усилия, чтобы ими воспользоваться. Действительно, президентская кампания лета 2020 г. стала одной из самых горячих по накалу конфронтации между действующей властью и оппозиционными кандидатами. Скандальность всего происходившего многократно усилил недопуск до выборов основных оппонентов А.Г. Лукашенко — бывшего главы Белгазпромбанка В. Бабарико, первого директора белорусского Парка высоких технологий В. Цепкало и блогера С. Тихановского. Стало очевидно, что все попытки режима найти такой вариант взаимодействия с ЕС и США, который обеспечил бы потепление их отношений с РБ без трансформации архитектуры белорусской власти, не увенчались успехом.

При этом прямо накануне выборов низшей точки достигли российско-белорусские отношения. Избирательная кампания А.Г. Лукашенко в 2020 г. оказалась «в значительной мере построена на антироссийских выпадах, на разоблачении планов московских “кукловодов” лишить белорусов собственного государства и готовности им противостоять» [Постсоветские государства..., 2024: 75]. 29 июля власти РБ объявили о задержании 33 боевиков частной военной компании (ЧВК) «Вагнер», среди которых — граждане России и Украины. Им инкриминировали подготовку массовых беспорядков в ходе президентской избирательной кампании и связывали с делом против несостоявшегося кандидата в президенты С. Тихановского. Источники в российских спецслужбах назвали всё это провокацией со стороны Украины²⁸, но некоторое время отношения между двумя братскими республиками оставались натянутыми.

Антироссийские акценты в избирательной кампании и переход к более активной белорусизации оттолкнули от действующего прези-

²⁸ Давыдов Д. Россия получила доказательства участия Украины в провокации с 33 «вагнеровцами» // Национальная служба новостей. 19.08.2020. Доступ: <https://nsn.fm/policy/rossiya-poluchila-dokazatelstva-uchastiya-ukrainy-v-provokatsii-s-33-vagnerovtsami> (дата обращения: 17.12.2024).

дента часть русскоязычных избирателей, но не помогли приобрести голоса прозападных оппозиционеров. И август 2020 г. расставил всё на свои места: повторения Евромайдана не допустили силовики, на укрепление рассыпавшейся вертикали государственных СМИ были брошены эксперты «Russia Today», а Москва оказалась единственным гарантом белорусского суверенитета. Результаты президентских выборов в РБ не признали ПА ОБСЕ²⁹, США, Великобритания, Польша, Германия, Литва, Чехия, Евросоюз, Украина. Экономическая диверсификация обернулась для страны уязвимостью: Великобритания, США и ЕС быстро ввели санкции против белорусских предприятий, воспользовавшись их зависимостью от технологий и рынков сбыта [Лизан, 2023: 13]. К 4 ноября 2021 г. в силу возобновления действия приостановленных ранее, а также принятия новых пакетов антибелорусских санкций вопрос политической многовекторности утратил для А.Г. Лукашенко всякую актуальность.

Разочарование в коллективном Западе способствовало укреплению альянса памяти действующих властей Беларуси и России. Это сближение отразилось в числе прочего в объявлении в 2021 г. Указом Президента Республики Беларусь № 206 17 сентября Днем народного единства. Выбор даты наглядно иллюстрировал смену вектора исторической политики: праздник был приурочен к годовщине начала освободительного похода Красной армии в Западную Беларусь, в результате которого разделенный по условиям Рижского мирного договора белорусский народ вновь воссоединился³⁰. Показательно, что идею сделать 17 сентября общезначимой государственной датой обсуждали минимум с 2009 г., но на фоне потепления отношений с Западом и нежелания «раздражать» поляков отсылками к 1939 г. дальше обсуждений дело не заходило.

По инициативе Генеральной прокуратуры РБ в мае 2021 г. был принят Закон Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма»³¹, направленный на борьбу со всеми формами и прояв-

²⁹ Парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. — *Прим. ред.*

³⁰ История Дня народного единства в Беларуси // Белорусский государственный университет. 2023. Доступ: <https://bsu.by/news/istoriya-dnya-narodnogo-edinstva-v-belarusi-d/> (дата обращения: 17.12.2024).

³¹ Закон Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма». Доступ: <https://etalonline.by/document/?regnum=h12100103> (дата обращения: 17.12.2024).

лениями нацизма, оправданием его доктрины и практики, героизацией нацистских преступников и их пособников; а в январе 2022 г. — Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа»³², которым предусмотрено юридическое признание этого факта и одновременно установлена уголовная ответственность за его отрицание. Однако, что характерно, обращение к истории было официально увязано с событиями августа 2020 г. и последующего постэлекторального периода. На официальном сайте Генеральной прокуратуры РБ напрямую заявлено: «Подпитываемые идеями нацизма попытки экстремистов совершить в Беларуси государственный переворот показали, что мы стали забывать ее трагические страницы и уроки, пренебрегать достигнутыми жизнью и кровью родных и близких благами: миром, свободой, независимостью и правом на самоопределение, а также перестали напоминать об этом не только гражданам своей страны, но и всему мировому сообществу»³³. Один из разделов, посвященных описанию результатов инициированного в 2021 г. расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы ВОВ и послевоенный период носит название «Параллели между событиями современности и прошлого».

В 2021 г. Минск активизировал переговорный процесс с Москвой об углублении интеграции на условиях, которые изначально выдвигала Россия. Следует отметить, что российская сторона не стала загонять в угол партнера по СГРБ, принуждая к признанию Крыма и иных территориальных приобретений. На начальном этапе Москве оказалось достаточно устного признания Крыма российским, удержания белорусской армией границ РБ в ходе специальной военной операции (СВО) и помощи детям Донбасса.

С начала СВО Минск присоединился к российским ограничениям на торговлю с Украиной, а 27 февраля 2022 г. в Беларуси состоялся всенародный референдум по внесению изменений и дополнений в Конституцию страны. Незадолго до этого, 4 февраля 2022 г. президент подписал распоряжение о создании Республиканского совета

³² Закон Республики Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа». Доступ: <https://etalonline.by/document/?regnum=h12200146> (дата обращения: 17.12.2024).

³³ Расследование уголовного дела о геноциде // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. Доступ: <https://prokuratura.gov.by/ru/activity/rassledovanie-ugolovno-go-dela-o-genotside/> (дата обращения: 17.12.2024).

по исторической политике³⁴, призванного стать постоянно действующим межведомственным консультативным и координирующим органом по проведению единой государственной политики в сфере исторической памяти. Сам 2022 г. был объявлен в РБ Годом исторической памяти, и его важнейшим достижением (помимо создания Совета) можно назвать внесение в ст. 54 обновленной Конституции нормы о том, что сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина. Впервые на постсоветском пространстве модальность реализации исторической политики в отношении конкретного события была зафиксирована Основным законом страны. Кроме того, по Конституции «государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» (ст. 15)³⁵.

В декабре 2024 г. А.Г. Лукашенко подтвердил факт размещения в республике тактического ядерного оружия для защиты Союзного государства. «Я сюда ввез ядерные боеголовки. Не один десяток штук. Многие пишут: “А, это шутка, никто ничего не ввез”. Ввезли. А то, что они говорят, что это шутка, значит, они прозевали»³⁶, — сообщил журналистам А.Г. Лукашенко. Отметим, что из обновленной Конституции РБ были исключены положения о стремлении республики к нейтралитету и ее безъядерности, что имеет принципиальное значение в условиях проведения СВО и нарастающего противоборства на международной арене. Эти нововведения были отбалансированы добавлением тезиса о том, что «республика исключает военную агрессию в сторону других государств» [Сергеев, Волков, 2023: 28].

На фоне усиления российско-белорусской интеграции Минск несколько отошел от стратегии приватизации памяти о Великой

³⁴ О Республиканском совете по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь. Распоряжение № 22рп от 4 февраля 2022 г. Доступ: <https://president.gov.by/ru/documents/rasporyazhenie-no-22rp-ot-4-fevralya-2022-g> (дата обращения: 17.12.2024).

³⁵ Конституция Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. Доступ: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 17.12.2024).

³⁶ Лукашенко: Россия вернула в Беларусь ядерное оружие // Sputnik. 10.12.2024. Доступ: <https://sputnik.by/20241210/lukashenko-v-belarusi-est-yadernoe-oruzhie-1091763360.html> (дата обращения: 17.12.2024).

Отечественной войне, перейдя к сакрализации героизма, жертвенности и морального единства в борьбе с внешним врагом.

* * *

География — это судьба, и Республика Беларусь в силу одного только географического положения обречена испытывать на себе «насилованный мессианизм» то восточно-, то западноевропейского культурного типа, пытаюсь определить свои геостратегические приоритеты и выстроить собственную, белорусскую идентичность. В столь непростых условиях «бои за историю» оказываются отражением политических, социальных и экономических конфликтов национального и международного уровней.

«То, что Павел говорит о Петре, больше говорит о самом Павле, чем о Петре»³⁷. Тот факт, что западные эксперты описывают историческую политику позднего А.Г. Лукашенко в терминах ресоветизации, свидетельствует скорее об укоренившихся в сознании евроатлантистов стереотипах и страхах, чем о реальности политического использования прошлого в Беларуси. Так называемая ресоветизация носит фрагментарный характер и проявляется не столько в содержании ключевых идеологем, сколько в стиле их внедрения.

Сегодняшняя Беларусь оказалась в числе лидеров в области мнемонического конституционализма — продвижения правового регулирования исторической памяти на конституционном уровне³⁸. Секьюритизация исторической проблематики проявилась в принятии законов, вводящих уголовную ответственность за отрицание геноцида белорусского народа или оправдание нацизма. Эти законы очертили рамки экзистенциального противостояния с Польшей, Украиной и отдельными странами Евросоюза в сфере исторической политики. Примеры криминализации мемориального законодательства мы обнаруживаем и в России, и на Украине, однако Беларусь стала первой страной, Конституция которой закрепляет обязанность государства обеспечить сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге народа в годы Великой Отечественной войны.

³⁷ Цитата Бенедикта Спинозы, которую приводит Эрих Фромм в книге «Психологический анализ и религия».

³⁸ Belavusau U. The 'Year of Historical Memory' and Mnemonic constitutionalism in Belarus // VerfBlog. 08.09.2022. Available at: <https://verfassungsblog.de/mnemonic-constitution-belarus/> (accessed: 17.12.2024).

Предстоящее 80-летие Победы все официальные лица рассматривают как «важнейший юбилей нашей общей истории», призванный «наглядно подтвердить наше единство в сохранении исторической памяти и борьбе с ее фальсификацией»³⁹. Выбор между «Беларусь помнит» и «Бессмертным полком» уже не стоит: в РБ предполагается провести две акции одновременно. Казалось бы, мы наблюдаем отказ от приватизации истории ВОВ в частности и от белорусизации в целом.

Однако к выстраиванию официального исторического нарратива, более комплементарного по отношению к российскому, Минск перешел вынужденно — лишь после того, как поддерживаемая евро-атлантическим сообществом «революция несбывшихся надежд» августа 2020 г. продемонстрировала команде А.Г. Лукашенко все издержки «многовекторности». Сближение с Россией было обусловлено стремлением обеспечить стабильность режима в условиях «нерукопожатности» на Западе, тем более что компенсаций за вынужденный отказ от «европейничанья» стали экономические преференции при сохранении достаточной внутри- и внешнеполитической автономии. При этом раздробленный — в силу исторических обстоятельств складывания белорусского общества — режим памяти в стране сохранился, хотя пространство для выражения мнений, не совпадающих с транслируемыми официальной властью, для мнемонических агентов заметно сузилось.

Тем не менее собранный за годы независимости Беларуси корпус научных текстов, «мест памяти», документов достаточно эклектичен и содержит «точки входа» для развертывания исторической политики в любую политически выгодную сторону. В этом наборе «мнемонического лего» можно найти детали для выстраивания как пророссийского, так и проевропейского нарратива. И в данном контексте тезис об имманентном братстве двух народов прекрасен как политический лозунг, призванный придать дополнительный вес уже сложившемуся консенсусу, но значительно менее полезен как теоретическая презумпция для прогнозирования направленности геостратегического выбора партнера. «Устойчивость сложных натур

³⁹ Сергей Алейник заявил о прочном фундаменте братского сотрудничества в СГ // Российская газета. 13.11.2024. Доступ: <https://rg.ru/2024/11/13/sergej-alejnik-zaiavil-o-prochnom-fundamente-bratskogo-sotrudnichestva-v-sg.html> (дата обращения: 17.12.2024).

объясняется их гибкостью», — говаривал Шарль Морис де Талейран, и можно констатировать, что исключительная устойчивость режима А.Г. Лукашенко поддерживается его же не менее исключительной гибкостью, проявляемой в том числе в области исторической политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антанович Н.А. Историко-культурные условия национально-государственного строительства и политического развития Республики Беларусь // ПОЛИТЭКС. 2010. № 2. С. 176–197.

2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

3. Батраева О.В. На культурном пограничье: Беларусь как социокультурный тип в контексте восточного славянства // Беларуская думка. 2010. № 2. С. 102–108.

4. Батраева О.В. Социокультурные основания белорусской идентичности // Вестник БГУ. Серия 3. 2010. № 1. С. 47–51.

5. Бикетова Е.А. Политика памяти в Беларуси: особенности национального дискурса // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2020. № 36. С. 49–59.

6. Бикетова Е.А., Чернышов Ю.Г. Нациестроительство Республики Беларусь и европейский компонент белорусской идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 1 (62). С. 94–103. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-94-103.

7. Борисов Н.А. Формирование национальной идеологии и проблемы легитимности политического режима на примере идеологии белорусского государства // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2012. № 1. С. 29–40.

8. Браточкин А. Политика памяти в пространстве Минска: между забвением и идеей «множества памятей» // Історія, пам'ять, політика: Збірник статей / Упоряд. Г. Касьянов, О. Гайдай. Київ, 2016. С. 9–52.

9. Бубнов А.Ю., Савельева М.А. Память о Великой Отечественной войне в Беларуси как пространство «мемориальных войн» (на примере анализа онлайн-дискуссии) // Вопросы политологии. 2021. № 3 (67). С. 663–674. DOI: 10.35775/PSI.2021.67.3.008.

10. Буховец О.Г. Историописание постсоветской Беларуси: демифологизация «ремифологизации». Национальные истории на постсоветском пространстве — II. Десять лет спустя / Под ред. Ф. Бомсфорда, Г. Бордюгова. М.: Фонд Ф. Наумана, АИРО — XXI, 2010. С. 15–43.

11. Буховец О.Г. Союз РБ — РФ. Элиты и массовое сознание Беларуси о настоящем и будущем интеграции с Россией. М.: Огни, 2003.

12. Буховец О.Г. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (Часть первая) // Современная Европа. 2008. № 4. С. 33–45.
13. Буховец О.Г. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (Часть вторая) // Современная Европа. 2009. № 3. С. 73–84.
14. Вирская В. Белорусская историография в контексте исторического образования (вторая половина 1980 — середина 1990-х гг.) // Гісторыя: праблемы выкладання. 2002. № 4. С. 71–72.
15. Гапова Е. О политической экономии «национального языка» в Беларуси // Ab Imperio. 2005. № 3. С. 405–441.
16. Гронский А.Д. Год исторической памяти в Белоруссии: итоги, проблемы, перспективы // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 1 (58). С. 34–43. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-1-34-43.
17. Гронский А.Д. Историческая политика в постсоветской Белоруссии: вчера и сегодня // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. 2023. № 6. С. 260–271.
18. Данилович В. Концепция истории белорусской государственности // Наука и инновации. 2018. № 11. С. 9–15.
19. Дюков А. К вопросу о численности расстрелянных органами НКВД в Куропатах // Международная жизнь. 2017. № 7. Доступ: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1890> (дата обращения: 17.12.2024).
20. Ермолаев Ю.С., Карбалевич В.Н., Ламако В.Н. и др. Развитие белорусской нации: анкета республиканского опроса. Минск, 1992.
21. Зам А. Белорусы: опыт самоидентификации // Нёман. 1995. № 4. С. 136–147.
22. Идентичность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2011.
23. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2023.
24. История белорусской государственности: В 5 т. / А.А. Коваленя [и др.]; отв. ред. Н.Б. Нестерович. Минск: Беларуская навука, 2018–2020.
25. Корсак А.И. «Места памяти» Великой Отечественной войны на территории Белоруссии // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2021. № 2 (25). С. 316–333.
26. Ластовский А.А. Историческая память как фактор укрепления белорусской идентичности // Социологический альманах. 2010. № 1. С. 187–195.
27. Ластовский А.А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой // Вестник общественного мнения. 2009. № 4. С. 88–99.
28. Лизан И.Ю. От отчуждения к сближению. Эволюция российско-белорусских отношений после августа 2020 г. Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран — участниц Евразийского экономического союза «Союзный нарратив 2050». Звенигород, 2023.

29. Линченко А.А., Беляева Е.В. Союзное государство — общая память? Этические основания исторической политики России и Беларуси в XXI веке // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2. С. 97–111. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10206.

30. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сборник научных трудов / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко М.: Нестор-История, 2018.

31. Наumenко Л.И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика. Минск: Беларус. навука, 2012.

32. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999.

33. Нордберг М., Кузьо Т. Построение наций и государств. Историческое наследие и национальные самосознания в Белоруссии и Украине (сравнительный анализ) // Белоруссия и Россия: общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М.: Права человека, 1998. С. 376–392.

34. Петрухина Д.В. Национальные символы Республики Беларусь: культурное единство и исторический выбор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2024. № 1. С. 109–121. DOI: 10.31249/hist/2024.01.06.

35. Плавинский А.С. Куропаты — у истоков исторической сенсации. М.: Бизнесофсет, 2019.

36. Полетаева Н.И., Полетаев С.А. Обзор научного издания «История белорусской государственности» // История и современное мировоззрение. 2020. № 2. С. 103–109.

37. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

38. Постсоветские государства на современном этапе: внутривнутриполитическая динамика и поиск путей развития / Отв. ред. Э.Г. Соловьёв. М.: ИМЭМО РАН, 2024.

39. Сергеев Н., Волков Г. Республика Беларусь и специальная военная операция // Постсоветский материк. 2023. № 2. С. 27–46. DOI: 10.48137/23116412_2023_2_27.

40. Сергеев Н., Фадеев А. Завершение формирования плюралистического авторитаризма в Республике Беларусь перед выборами 2019–2020 гг. // Постсоветский материк. 2019. № 3. С. 5–33.

41. Смолянюк А. Куропаты: гибель фальшивки. Документы и факты. Минск, 2011.

42. Титаренко Л.Г. Концепция белорусской национальной идентичности в условиях современной многовекторности развития // Философия

и социальные науки. Белорусский государственный университет. 2010. № 4. С. 24–28.

43. Титаренко Л.Г. Развитие национальной идентичности населения Беларуси в условиях современных глобализационных и интеграционных процессов // Взаимодействие устойчивости и инновационности в развитии белорусского общества: Сборник научных трудов. Минск, 2009. С. 182–196.

44. Титаренко Л.Г., Широканов Д.А. «Конкуренция идентичностей»: глобальные и национальные векторы влияния (Беларусь и Россия) // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2010. № 1. С. 98–109.

45. Томайчук Л.В. Формирование национальной идентичности на постсоветском пространстве: на примере Украины и Республики Беларусь: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.

46. Филюшкин А.И. «Мобилизация Средневековья» как поиск идентичности: какими путями Белоруссия хочет уйти от исторического наследия Российской империи и СССР // Quaestio Rossica. 2017. № 2. С. 569–590. DOI: 10.15826/qr.2017.2.239.

47. Фурман Д.Е., Буховец О.Г. Белорусское самосознание и белорусская политика // Свободная мысль. 1996. № 1. С. 57–75.

48. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

49. Шадурский В.Г. Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого. Труды факультета международных отношений БГУ: Научный сборник. Минск, 2014.

50. Шевцов Ю.В. Объединенная нация: феномен Беларуси. М.: Европа, 2005.

51. Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам Дасьледзіны беларус. Сьветагляду. Мінск: Навука і тэхніка, 1993.

52. Акудовіч В. Код адсутнасці (асновы беларускай ментальнасці). Мінск: Логвінаў, 2007.

53. Акудовіч В. Сучасная беларуская філасофія: праблемы і героі // Анталёгія сучаснага беларускага мысьленьня. СПб.: Невский простор, 2003. С. 10–22.

54. Ракіцкі В. Беларуская Атлянтыда. Кніга другая: Міты і брэндзы калянізаванай нацыі. Выдавец: Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода. Praha, 2010.

55. Ackermann F., Błaszczak T., Melnikau I. Memory in Belarusian policies towards Germany and Poland. European Network for Belarus. Berlin, 2023.

56. Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. London: Verso, 1983.

57. Bekus N. Struggle over identity: The official and the alternative 'Belarusianness'. Budapest, 2010.

58. Belavusau U. The 'Year of historical memory' and mnemonic constitutionalism in Belarus // *VerfBlog*. 08.09.2022. Available at: <https://verfassungsblog.de/mnemonic-constit-belarus/> (accessed: 17.12.2024).

59. The collective memory reader / Ed. by J.K. Olick, V. Vinitzky-Seroussi, D. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2011.

60. Gellner E. Nations and nationalism. Oxford: Blackwell publishing, 1983.

61. Goujon A. Memorial narratives of WWII partisans and genocide in Belarus University of Bourgogne // *East European Politics and Societies*. 2010. No. 1. P. 6–25.

62. Hobsbawm E., Ranger T. The invention of tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

63. Huysmans J. Security! What do you mean? From concept to thick signifier // *European Journal of International Relations*. 1998. Vol. 4. No. 2. P. 226–255.

64. Jessop B. The future of the capitalist state. London: Polity, 2002.

65. Kłysiński K., Konończuk W. Opposites put together Belarus's politics of memory. Centre for Eastern Studies. Warsaw, 2020.

66. Leshchenko N. A fine instrument: Two nation-building strategies in Post-Soviet Belarus // *Nations and Nationalism*. 2004. No. 3. P. 333–352.

67. Lewis S. The 'Partisan Republic': Colonial myths and memory wars in Belarus // *War and memory in Russia, Ukraine and Belarus* / Ed. by J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko. Cham, UK: Palgrave Macmillan, 2017. P. 371–396.

68. Mälksoo M. 'Memory must be defended': Beyond the politics of mnemonic security // *Security Dialogue*. 2015. Vol. 46. No. 3. P. 221–237.

69. Markovits A.S., Reich S. The German predicament: Memory and power in the new Europe. Ithaca: Cornell University Press, 1997.

70. Pershai A. Localness and mobility in Belarusian nationalism: The tactic of *tuteishaść* // *Nationalities Papers*. 2008. Vol. 36. № 1. P. 85–1034.

71. Pershai A. The nationalist discourse in post-socialist Belarus: Dilemmas of nationalism theories and local intellectual context. PhD Thesis. Peterborough, Ontario: Trent University, 2012.

72. Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? Paris: Mille et une nuits, 1997.

73. Sahanovich H. The war against Belarusian history // *Education in Russia, the Independent States and Eastern Europe*. 2002. No. 1. P. 18–27.

74. Shulman S. The contours of civic and ethnic national identification in Ukraine // *Europe-Asia Studies*. 2004. No. 1. P. 35–56.

75. Steele B. Ontological security in international relations: Self-identity and the IR state. New York: Routledge, 2008.

76. Titarenko L. Post-soviet national identity: Belarusian approaches and paradoxes // *Filosofija. Sociologija*. 2007. No. 4. P. 79–90.

77. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, 1972.

REFERENCES

1. Antanovich N.A. 2010. Istoriko-kul'turnye usloviya natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva i politicheskogo razvitiya Respubliki Belarus' [Historical and cultural environment in the nation-state building processes and modern political development in the Republic of Belarus]. *POLITEKS*, no. 2, pp. 176–197. (In Russ.)
2. Assmann A. 2014. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russ.)
3. Batraeva O.V. 2010a. Na kul'turnom pogranich'e: Belarus' kak sotsiokul'turnyi tip v kontekste vostochnogo slavyanstva [On the cultural borderland: Belarus as a sociocultural type in the context of Eastern slavism]. *Belaruskaya dumka*, no. 2, pp. 102–108. (In Russ.)
4. Batraeva O.V. 2010b. Sotsiokul'turnye osnovaniya belorusskoi identichnosti [Sociocultural foundations of Belarusian identity]. *Vestnik BGU. Seriya 3*, no. 1, pp. 47–51. (In Russ.)
5. Biketova E.A. 2020. Politika pamyati v Belarusi: osobennosti natsional'nogo diskursa [Politics of memory in Belarus: Features of national discourse]. *Dnevnik Al'tayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy*, no. 36. pp. 49–59. (In Russ.)
6. Biketova E.A., Chernyshov Yu.G. 2018. Natsiestroitel'stvo Respubliki Belarus' i evropeyskii komponent belorusskoi identichnosti [Nation-building in the Republic of Belarus and European component in Belarusian identity]. *World Economy and International Relations*, no. 1 (62). pp. 94–103. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-94-103. (In Russ.)
7. Borisov N.A. 2012. Formirovanie natsional'noi ideologii i problemy legitimnosti politicheskogo rezhima na primere ideologii belorusskogo gosudarstva [National ideology and the legitimacy of political regime (in case with the Belorussian state ideology)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, no. 1, pp. 29–40. (In Russ.)
8. Bratochkin A. 2016. Politika pamyati v prostranstve Minska: mezhdubabveniem i idei 'mnoghestva pamyatei' [Politics of memory in the space of Minsk: Between oblivion and the idea of 'multiple memories']. In: Kas'yanov G., Gaidai O. (eds.). *Istoriya, pam'yat', politika* [History, memory, politics]. Kiev, pp. 9–52. (In Russ.)
9. Bubnov A.Yu., Savel'eva M.A. 2021. Pamyat' o Velikoi Otechestvennoy voine v Belarusi kak prostranstvo 'memorial'nykh voyn' (na primere analiza onlain-diskussii) [The memory of the Great Patriotic War in Belarus as a space of 'memorial wars' (on the example of online discussion analysis)]. *Voprosy politologii*, no. 3 (67), pp. 663–674. DOI: 10.35775/PSI.2021.67.3.008. (In Russ.)
10. Bukhovets O.G. 2010. Istoriopisanie postsovet'skoi Belarusi: demifologizatsiya 'remifologizatsii' [Historiography of post-Soviet Belarus: Demythologization]

tion of 'remythologization']. In: Bomsford F., Bordyugov G. (eds.). *Natsional'nye istorii na postsovetском prostranstve — II. Desyat' let spustya* [National histories in the post-Soviet space — II. Ten years later]. Moscow, Fond F. Naumana, AIRO — XXI Publ., pp. 15–43. (In Russ.)

11. Bukhovets O.G. 2003. *Soyuz RB — RF. Elity i massovoe soznanie Belarusi o nastoyashchem i budushchem integratsii s Rossiei* [RB–RF union. Elitic and public opinion attitudes concerning the present situation and the future of the intergration with Russia]. Moscow, Ogni Publ. (In Russ.)

12. Bukhovets O.G. 2008. Era natsionalizma i osobennosti obrazovaniya natsiy v Evrope (Chast' pervaya) [Era of nationalism & peculiarities of nations formation in Europe (Part I)]. *Contemporary Europe*, no. 4, pp. 33–45. (In Russ.)

13. Bukhovets O.G. 2009. Era natsionalizma i osobennosti obrazovaniya natsiy v Evrope (Chast' vtoraya) [Era of nationalism & peculiarities of nations formation in Europe (Part II)]. *Contemporary Europe*, no. 3, pp. 73–84. (In Russ.)

14. Virskaya V. 2002. Belorusskaya istoriografiya v kontekste istoricheskogo obrazovaniya (vtoraya polovina 1980 — seredina 1990-kh gg.) [Belarusian historiography in the context of historical education (second half of 1980 — mid-1990s)]. *Gistoryya: Problemy vykladannya*, no. 4, pp. 71–72. (In Russ.)

15. Gapova E. 2005. O politicheskoi ekonomii 'natsional'nogo yazyka' v Belarusi [On the political economy of the 'national language' in Belarus]. *Ab Imperio*, no. 3, pp. 405–441.

16. Gronsky A.D. 2023a. God istoricheskoi pamyati v Belorussii: itogi, problemy, perspektivy [Year of historical memory in Belarus: Results, problems, prospects]. *Rossiya i novyye gosudarstva Evrazii*, no. 1 (58), pp. 34–43. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-1-34-43. (In Russ.)

17. Gronsky A.D. 2023b. Istoricheskaya politika v postsovetской Belorussii: vchera i segodnya [Historical politics in post-Soviet Belarus: Yesterday and today]. *Trudy Instituta postsovetских i mezhregional'nykh issledovaniy*, no. 6, pp. 260–271. (In Russ.)

18. Danilovich V. 2018. Kontseptsiya istorii belorusskoi gosudarstvennosti [The concept of history of Belarusian statehood]. *Nauka i innovatsii*, no. 11, pp. 9–15. (In Russ.)

19. Dyukov A. 2017. K voprosu o chislennosti rasstrelyannykh organami NKVD v Kuropatakh [On the issue of the number of people shot by the NKVD in Kurapaty]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 7. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1890> (accessed: 17.12.2024). (In Russ.)

20. Ermolaev Yu.S., Karbalevich V.N., Lamako V.N. et al. 1992. *Razvitiye belorusskoi natsii: anketa respublikanskogo oprosa* [Development of the Belarusian nation: Questionnaire of the republican survey]. Minsk. (In Russ.)

21. Zam A. 1995. Belarusy: opyt samoidentifikatsii [Belarusians: The experience of self-identification]. *Noman*, no. 4, pp. 136–147. (In Russ.)

22. Semenenko I.S. (ed.). 2011. *Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki: slovar' terminov i ponyatii* [Identity as a category of political science: A dictionary of terms and concepts]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

23. Semenenko I.S. (ed.). 2023. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Noveye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: The individual, society, and politics. New outlines of the research field]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

24. Kovalenya A.A., Nesterovich N.B. (eds.). 2018–2020. *Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti: V 5 t.* [History of Belarusian statehood. In 5 vols.]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ. (In Russ.)

25. Korsak A.I. 2021. 'Mesta pamyati' Velikoi Otechestvennoi voiny na territorii Belorussii ['Places of memory' of the Great Patriotic War in the territory of Belarus]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy*, no. 2 (25), pp. 316–333. (In Russ.)

26. Lastovsky A.A. 2010. Istoricheskaya pamyat' kak faktor ukrepleniya belorusskoi identichnosti [Historical memoir as a factor of strengthening of the Belarus national identity]. *Sotsiologicheskii al'manakh*, iss. 1, pp. 187–195. (In Russ.)

27. Lastovsky A.A. 2009. Spetsifika istoricheskoi pamyati v Belarusi: mezhdunarodnyy sovetskim proshlym i natsional'noi perspektivoy [Particular features of historical memory in Belarus]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 4, pp. 88–99. (In Russ.)

28. Lizan I.Yu. 2023. *Ot otchuzhdeniya k sbliizheniyu. Evolyutsiya rossiysko-belorusskikh otnoshenii posle avgusta 2020 g.* [From alienation to rapprochement. Evolution of Russian-Belarusian relations after August 2020]. Zvenigorod. Available at: <https://www.sonar2050.org/publications/ot-otchuzhdeniya-k-sbliizheniyu/> (accessed: 17.12.2024). (In Russ.)

29. Linchenko A.A., Belyaeva E.V. 2020. Soyuznoe gosudarstvo — obshchaya pamyat'? Eticheskie osnovaniya istoricheskoi politiki Rossii i Belarusi v XXI veke [Union state — common memory? Ethical foundations of the historical policy of Russia and Belarus in the 21st century]. *Diskurs-Pi*, no. 2, pp. 97–111. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10206. (In Russ.)

30. Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.). 2018. *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying memory policy]. Moscow, Nestor-Istoriya Publ. (In Russ.)

31. Naumenko L.I. 2012. *Belorusskaya identichnost'. Soderzhanie. Dinamika. Sotsial'no-demograficheskaya i regional'naya spetsifika* [Belarusian identity. Contents. Dynamics. Social, demographic, and regional specifics]. Minsk, Belarus. navuka Publ. (In Russ.)

32. Nora P. 1999. *Problematika mest pamyati. Frantsiya-pamyat'* [Problems of places of memory. France-memory]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ. (In Russ.)

33. Nordberg M., Kuz'o T. 1998. Postroenie natsiy i gosudarstv. Istoricheskoe nasledie i natsional'nye samosoznaniya v Belorussii i Ukraine (Sravnitel'nyi analiz) [Construction of nations and states. Historical heritage and national identities in Belarus and Ukraine (Comparative analysis)]. In: Furman D.E. (ed.). *Belorussiya i Rossiya: obshchestva i gosudarstva* [Belarus and Russia: Societies and states]. Moscow, Human Rights Publ., pp. 376–392. (In Russ.)

34. Petrukhina D.V. 2024. Natsional'nye simvoly Respubliki Belarus': kul'turnoe edinstvo i istoricheskii vybor [National symbols of the Republic of Belarus: Cultural unity and historical choice]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya*, no. 1, pp. 109–121. (In Russ.)

35. Plavinsky A.S. 2019. *Kuropaty — u istokov istoricheskoy sensatsii* [Kurapaty — at the origins of a historical sensation]. Moscow, Biznesofset Publ. (In Russ.)

36. Poletaeva N.I., Poletaev S.A. 2020. Obzor nauchnogo izdaniya 'Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti' [Review of scientific edition 'History of the Belarusian state']. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie*, no. 2, pp. 103–109. (In Russ.)

37. Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.). 2020. *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ. (In Russ.)

38. Solov'yev E.G. (ed.). 2024. *Postsovetskie gosudarstva na sovremennom etape: vnutripoliticheskaya dinamika i poisk putei razvitiya* [Post-Soviet states at the present stage: Internal political dynamics and the search for development paths]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

39. Sergeev N.M., Volkov G.Yu. 2023. Respublika Belarus' i special'naya voennaya operatsiya [Republic of Belarus and Special military operation]. *Postsovetskii materik*, no. 2, pp. 27–46. DOI: 10.48137/23116412_2023_2_27. (In Russ.)

40. Sergeev N., Fadeev A. 2019. Zavershenie formirovaniya plyuralisticheskogo avtoritarizma v Respublike Belarus' pered vyborami 2019–2020 gg. [The completion of the formation of pluralistic authoritarianism in Belarus before the election 2019–2020]. *Postsovetskiy materik*, no. 3, pp. 5–33. (In Russ.)

41. Smolyanko A. 2011. *Kuropaty: gibel' fal'shivki. Dokumenty i fakty* [Kurapaty: The death of a fake. Documents and facts]. Minsk. (In Russ.)

42. Titarenko L.G. 2010. Kontseptsiya belorusskoi natsional'noi identichnosti v usloviyakh sovremennoi mnogovektornosti razvitiya [Concept of Belarusian national identity under conditions of modern multiple development]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*, no. 4, pp. 24–28. (In Russ.)

43. Titarenko L.G. 2009. Razvitiye natsional'noi identichnosti naseleniya Belarusi v usloviyakh sovremennykh globalizatsionnykh i integratsionnykh protsessov [Development of national identity of the population of Belarus in the

context of modern globalization and integration processes]. In: *Vzaimodeystvie ustoychivosti i innovatsionnosti v razvitii belorusskogo obshchestva* [Sustainability and innovation in the development of the Belarusian society]. Minsk, pp. 182–196. (In Russ.)

44. Titarenko L.G., Shirokanov D.A. 2010. 'Konkurentsia identichnosti': global'nye i natsional'nye vektory vliyaniya (Belarus' i Rossiya) ['Competition of identities': Global and national vectors of influence (Belarus and Russia)]. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sotsiologiya. Kul'tura*, no. 1, pp. 98–109. (In Russ.)

45. Tomaichuk L.V. 2013. *Formirovanie natsional'noi identichnosti na post-sovetskom prostranstve: na primere Ukrainy i Respubliki Belarus'* [Formation of national identity in the post-Soviet space: The cases of Ukraine and the Republic of Belarus]. PhD Thesis. Saint Petersburg. (In Russ.)

46. Filyushkin A.I. 2017. 'Mobilizatsiya Srednevekov'ya' kak poisk identichnosti: kakimi putyami Belorussiya khochet uyti ot istoricheskogo naslediya Rossiyskoi imperii i SSSR. ['The mobilization of Middle Ages' as a search for identity: How Belarus wants to leave behind the historical heritage of the Russian empire and the USSR]. *Quaestio Rossica*, no. 2, pp. 569–590. DOI: 10.15826/qr.2017.2.239. (In Russ.)

47. Furman D.E., Bukhovets O.G. 1996. Belorusskoe samosoznanie i belorusskaya politika [Belarusian self-consciousness and Belarusian politics]. *Svobodnaya mysl'*, no. 1, pp. 57–75. (In Russ.)

48. Khal'bvaks M. 2007. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social framework of memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ. (In Russ.)

49. Shadursky V.G. 2014. *Istoricheskaya politika v Respublike Belarus': etapy razvitiya i versii interpretatsii proshlogo* [Historical policy in the Republic of Belarus: Stages of development and versions of interpretation of the past.]. Minsk. (In Russ.)

50. Shevtsov Yu.V. 2005. *Ob'edinennaya natsiya: Fenomen Belarusi* [United Nation: The phenomenon of Belarus]. Moscow, Europe Publ. (In Russ.)

51. Abdziralovich I. 1993. *Advechnym shlyakham Das'ledziny belarus. S'vetaglyadu*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ. (In Belarus.)

52. Akudovich V. 2007. *Kod adsutnastsi (asnovy belaruskai mental'nastsy)*. Minsk, Logvinaŭ Publ. (In Belarus.)

53. Akudovich V. 2003. Suchasnaya belaruskaya filasofiya: prablemy i geroi. *Antalegiya suchasnaga belaruskaga mys'len'nya*. Saint Petersburg, Nevskii prostor Publ., pp. 10–22. (In Belarus.)

54. Rakitski V. 2010. *Belaruskaya Atlyantyda. Kniga drugaya: Mity i brendy kalyanizavanai natsyi*. Vydavets, Radye Svobodnaya Eŭropa / Radye Svaboda, Praha. (In Belarus.)

55. Ackermann F., Błaszczak T., Melnikau I. 2023. *Memory in Belarusian policies towards Germany and Poland*. European Network for Belarus. Berlin.

56. Anderson B. 1983. *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London, Verso.

57. Bekus N. 2010. *Struggle over identity: The official and the alternative 'Belarussianness'*. Budapest.

58. Belavusau U. The 'Year of historical memory' and mnemonic constitutionalism in Belarus. *VerfBlog*. 08.09.2022. Available at: <https://verfassungsblog.de/mnemonic-constit-belarus/> (accessed: 17.12.2024).

59. Olick J.K., Vinitzky-Seroussi V., Levy D. (eds.). 2011. *The collective memory reader*. Oxford, Oxford University Press.

60. Gellner E. 1983. *Nations and nationalism*. Oxford, Blackwell publishing.

61. Goujon A. 2010. Memorial narratives of WWII partisans and genocide in Belarus University of Bourgogne. *East European Politics and Societies*, no. 1, pp. 6–25.

62. Hobsbawm E., Ranger T. 1983. *The invention of tradition*. Cambridge, Cambridge University Press.

63. Huysmans J. 1998. Security! What do you mean? From concept to thick signifier. *European Journal of International Relations*, vol. 4, no. 2, pp. 226–255.

64. Jessop B. 2002. *The future of the capitalist state*. London, Polity.

65. Kłyśiński K., Konończuk W. 2020. *Opposites put together Belarus's politics of memory*. Centre for Eastern Studies. Warsaw.

66. Leshchenko N. 2004. A fine instrument: Two nation-building strategies in Post-Soviet Belarus. *Nations and Nationalism*, no. 3, pp. 333–352.

67. Lewis S. 2017. The 'Partisan Republic': Colonial myths and memory wars in Belarus. In: Fedor J., Kangaspuro M., Lassila J., Zhurzhenko T. (eds.). *War and memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Cham, UK, Palgrave Macmillan, pp. 371–396.

68. Mälksoo M. 2015. 'Memory must be defended': Beyond the politics of mnemonical security. *Security Dialogue*, vol. 46, no. 3, pp. 221–237.

69. Markovits A.S., Reich S. 1997. *The German predicament: Memory and power in the new Europe*. Ithaca, Cornell University Press.

70. Pershai A. 2008. Localness and mobility in Belarusian nationalism: The tactic of tuteishaść. *Nationalities Papers*, vol. 36, no. 1, pp. 85–1034.

71. Pershai A. 2012. *The nationalist discourse in post-socialist Belarus: Dilemmas of nationalism theories and local intellectual context*. PhD Thesis. Peterborough, Ontario, Trent University.

72. Renan E. 1997. *Qu'est-ce qu'une nation?* Paris, Mille et une nuits.

73. Sahanovich H. 2002. The war against Belarusian history. *Education in Russia, the Independent States and Eastern Europe*, no. 1, pp. 18–27.

74. Shulman S. 2004. The contours of civic and ethnic national identification in Ukraine. *Europe-Asia Studies*, no. 1, pp. 35–56.

75. Steele B. 2008. *Ontological security in international relations: Self-identity and the IR state*. New York, Routledge.

76. Titarenko L. 2007. Post-soviet national identity: Belarusian approaches and paradoxes. *Filosofiya. Sotsiologiya*, no. 4, pp. 79–90.

77. Weber M. 1972. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen.

Статья поступила в редакцию 18.12.2024;
одобрена после рецензирования 12.01.2025;
принята к публикации 22.01.2025

The paper was submitted 18.12.2024;
approved after reviewing 12.01.2025;
accepted for publication 22.01.2025